

Демократия и советская модерність

Юлия
ПРОЗОРОВА

Противостояние демократии и тоталитаризма, коллапс советского коммунистического проекта, нереализованные прогнозы транзитологии с ожиданием «конца истории» и посткоммунистической демократизации усилили актуальность рефлексии о формах реализации демократического воображаемого в условиях модерности и ее антиномий. Данная проблематика имеет две проекции: гетерогенность, внутренние дилеммы и вариативность демократии в контексте множественных модерностей, а также интерпретации, противоречия и деформация демократии в нелиберальных режимах и программах альтернативных модерностей. Вторая проекция обусловлена не только имитационным квазидемократическим характером некоторых режимов, но и более глубокой проблемой общих философско-интеллектуальных оснований либерально-демократических и тоталитарно-мессианских проектов. Утверждение аутентичности и исторической беспрецедентности «советской демократии» было важным идеологическим тезисом и дискурсивным атрибутом советской системы. Именно анализу интерпретации демократии и адаптации демократического воображаемого в советской коммунистической версии модерности посвящена данная статья.

*Юлия Александровна
Прозорова (р. 1980) –
социолог, старший науч-
ный сотрудник сектора
истории российской
социологии, сотрудник
Центра цивилизационного
анализа и глобальной
истории Социологического
института РАН –
филиала ФНИСЦ РАН
(Санкт-Петербург).*

ДЕМОКРАТИЯ И МОДЕРНОСТЬ

Геополитический статус Запада, имперское наследие, исторический опыт вестернизации и колониальных взаимодействий определили особую роль западного проекта модерности и демократии как ее политической формы, которые представляют собой глобально значимую, референтную модель, – но при этом не универсальную, а иногда выступающую и в качестве контр-модели для национальных программ модернизации. Демократия является ключевым компонентом западной модерности, институциональным воплощением принципа автономии, идеи общественного, народного суверенитета, гражданства, основанного на участии, представительстве и ответственности правителей перед обществом. Критические реакции на западный проект, его институциональные вариации, интерпретации и культурные адаптации являются основанием множественных

модерностей и более специфических альтернативных проектов модерности (коммунизм и фашизм)¹.

Возникновение современной демократии связано с определенным историческим контекстом формирования современного государства и развитием гражданского общества, отношения между которыми определялись традицией, акцентирующей правовые нормы и представительные институты. Вместе с тем, как полагает Йохан Арнасон, демократия не является эпифеноменом государства, как и динамика последнего – формой адаптации к логике демократии. Нередукционистский подход к современной демократии должен учитывать лежащий в ее основе проект автономии². Демократия, по определению Корнелиуса Кастириадиса, – это режим самоустановления общества, реализация проекта автономии посредством политики, цель которого «эффективная свобода», а не воплощение эксклюзивной концепции всеобщего счастья, что вело бы к тоталитарной системе³. Демократия воплощает основные культурные установки модерности – автономию, эмансипацию и самоуправление.

Автономия предполагает освобождение: интеллектуальное – от воспринимающихся как данность и безальтернативных смысловых конструкций и онтологическое – от внешнего экстра-социального порядка или принципов, предопределенных традицией, внешними универсальными законами истории или социального развития. Демократия предполагает онтологическую открытость общества, которое посредством интеллектуального поиска и коллективного участия, философии и политики само определяет принципы и законы своего существования и понимание коллективного блага. В демократическом режиме сферы частного/приватного и публичного разделены, а публичное пространство открыто для участия всех и принадлежит всем. В тоталитарном же режиме публичная сфера поглощает все и, по сути, присваивается властным аппаратом,

- 1 О множественных модерностях см., например: EISENSTADT S.N. *Multiple Modernities* // *Daedalus*. 2000. Vol. 129. № 1. P. 1–29; ИДЕМ. *Comparative Civilizations and Multiple Modernities*. Leiden: Briel, 2003; SACHSENMAIER D., RIEDEL J., EISENSTADT S.N. (Eds.). *Reflections on Multiple Modernities: European, Chinese and Other Interpretations*. Leiden: Brill, 2002; EISENSTADT S.N. *Modernity and Modernization* // *Sociopedia*. 2010; БЛОККЕР P. *Modernity and Its Varieties. A Historical Sociological Analysis of the Romanian Modern Experience* [unpublished PhD dissertation]. European University Institute. Florence, 2004; ARNASON J.P. *Understanding Intercivilizational Encounters* // Thesis Eleven. 2006. Vol. 86. № 1. P. 51–53; ИДЕМ. *The Labyrinth of Modernity: Horizons, Pathways, and Mutations*. London: Rowman and Littlefield, 2020. О советской/коммунистической и альтернативных модерностях см.: ARNASON J.P. *The Future That Failed: Origins and Destinies of the Soviet Model*. London: Routledge, 1993; DAVID-Fox M. *Crossing Borders, Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015. P. 21–47; АРНАСОН Й. *Коммунизм и модерн* // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 10–31; Он же. *Советская модель как форма глобализации* // Неприкосновенный запас. 2013. № 4(90). С. 53–76; см. также его статью «Тоталитарный раскол: альтернативные модерности XX века» в этом выпуске «НЗ».
- 2 ARNASON J.P. *The Theory of Modernity and the Problematic of Democracy* // Thesis Eleven. 1990. Vol. 26. № 1. P. 38.
- 3 CASTORIADIS C. *Democracy as Procedure and Democracy as Regime* // *Constellations*. 1997. Vol. 4. № 4. P. 1–18.

являясь недоступной для широкой публики в качестве арены для свободного самовыражения. Взаимосвязь субстантивного и формального измерений – «демократия как режим» и «демократия как процедура» – важнейшая характеристика исторического проекта демократии. В демократии форма ее осуществления, процедура принятия решения должна отражать суть и целеполагание режима⁴.

ЮЛИЯ ПРОЗОРОВА
ДЕМОКРАТИЯ И СОВЕТСКАЯ
МОДЕРНОСТЬ

Демократия предполагает онтологическую открытость общества, которое посредством интеллектуального поиска и коллективного участия, философии и политики само определяет принципы и законы своего существования и понимание коллективного блага.

Политическая форма демократии, в том числе внутри западной модерности, не сингулярна. Монистический подход, признающий либеральный вариант единственной репрезентацией демократии и демократической политической культуры, а ее воспроизводство – безальтернативной траекторией демократизации, понимание и оценки которой игнорируют процессуальный аспект, локальный культурно-исторический опыт и историческую контингентность, подвергается обоснованной критике⁵. Редукция демократии к ее либеральной модели означает смысловую закрытость и тотальность, что противоречит демократии как режиму, предполагающему контекстуальность, открытость дискурса и социальной рефлексии, производство политических смыслов и интерпретаций социального устройства, реализации новых проектов посредством широкой доступности политики. Демократия возникла как проект эмансипации, самоустановления общества и идеологического суверенитета, исторически противопоставленный абсолютной монархии, тоталитаризму и герменевтической однозначности. Демократическое общество является «историческим» *par excellence*, поскольку сохраняет в себе неопределенность и онтологическую открытость. В этом демократия противопоставлена тоталитаризму как «обществу без истории»⁶. Поэтому монистически нормативная парадигма и одномерное понимание демократии не адекватны как собственно этосу демократии, так и ее альтернативным интерпретациям, эмпирической варибельности, плюральности ее современных форм – например, либеральной, коммунитарной, республиканской, социалистической, постнациональной, – реа-

4 Ibid. P. 7–9.

5 БЛОККЕР Р. *Multiple Democracies in Europe: Political Culture in New Member States*. London: Routledge, 2009.

6 ЛЕФОР К. *Политические очерки (XIX–XX века)*. М.: РОССПЭН, 2000. С. 24–25.

лизирующих разные «паттерны культурного репертуара» или модальности «демократической этики» (этики прав, этики идентичности, этики самоуправления, этики обсуждения)⁷.

Арнасон отмечает «герменевтическую комплексность современной демократии», одно из проявлений которой – поляризация представлений и теорий демократии, ее «идеологическая» и «утопическая» проекции. С одной стороны, демократия понимается как особая форма современного государства, при которой, в общем виде, «управляющие ответственны перед управляемыми». С другой стороны, демократия (участническая версия) – собирательный образ «хорошего общества», в котором представлены интересы всех его членов как активных свободных участников. Данные направления, считает Арнасон, можно отождествить с «функционализацией и радикализацией демократии»⁸. Первая подразумевает функциональные отношения демократии с современным государством и его парадигмой рациональности, она отражает «адаптацию демократии к доминирующему, но оспариваемому “паттерну модерности”». Это, однако, приводит к вульгаризации, упрощению демократического проекта, сводя смыслы и спектр его институтов к совокупности правил в определенной сфере. Радикализация демократии сложнее ее «утопической» (функционалистской) репрезентации. Расширение гражданства – инкорпорация нового социального и экономического содержания в его изначальную юридическую и политическую рамку – является результатом продолжающихся социальных конфликтов, провоцируя новые, в том числе интерпретативные. Кодификация, конкретизация и постоянное расширение сферы прав человека оспаривается коммунитарным подходом, который утверждает первичность участия. Кроме того, как отмечает Арнасон, сама идея права противоречива: индивидуалистическое понимание, связанное с представлением о человеческой природе, отвергается теми, кто настаивает на новизне социокультурного конструирования, изменяющего статус индивида⁹. Социалистическая традиция, восходящая к идеям Карла Маркса, представляет собой вариант радикальной демократии, при которой самоорганизующееся и самоуправляемое сообщество отказывается от государства и рынка¹⁰.

В контексте множественных модерностей и их политическое измерения можно говорить о множественных демократиях, или вариациях демократии, возникновение которых тесно

7 BLOKKER P. *Multiple Democracies: Political Cultures and Democratic Variety in Post-Enlargement Europe* // *Contemporary Politics*. 2008. Vol. 14. № 2. P. 161–178.

8 ARNASON J. P. *The Theory of Modernity and the Problematic of Democracy*. P. 39.

9 Ibid. P. 40–41.

10 Ibid. P. 39–41.

связано с социально-культурным, историческим контекстом, особым пониманием схожего, но не идентичного комплекса ценностей демократии и двойственностью ее социального вообразяемого. Дуальность демократического вообразяемого представлена функционалистской/конституционной версией, акцентирующей внимание на порядке, стабильности, формальных правилах и представительстве, «негативной свободе», и участнической/эмансипационной версией, утверждающей широкое участие в политике, автономию, самоопределение и «позитивную свободу»¹¹. Противоречивость этих значений и установок демократии задает вариабельность ее дискурсов и институциональных форм.

Неоднозначность и открытость политической модерности и, в частности, проекта демократии, связаны с внутренними «антиномиями» самой модерности и ее культурно политических проблематик, которые в общем виде предстают как противоречие между порядком и автономией. В исследовании данного вопроса Шмуэль Эйзенштадт¹² выделил несколько проблематик и внутренних противоречий. Так, важнейшее противоречие обнаруживается в подходах к социальному устройству, в которых акцентируется либо автономия индивида, либо жесткий контроль и ограничения со стороны коллективных сущностей («унифицирующие» или «цивилизаторские» устремления государства). Противоречия возникают между образцами более гуманистической и справедливой программы социального устройства, связанной с интеллектуальными основаниями модерности (идеи Возрождения, Просвещения, великих революций) и их вульгаризацией в процессе рутинизации и бюрократизации. Далее, возникает противоречие между холистическим видением современного мира и, напротив, возникновением множественных смыслов вследствие усиливающейся автономии основных институциональных доменов (политического, экономического, культурного). В сфере политики это проявляется в виде расхождений между конструктивистским взглядом на политику и более консервативным подходом; между тоталитаристской, обобщенной, утопически мессианской концепцией общества и плюралистической позицией, признающей многообразие моделей социального устройства, традиций и понимания общественных интересов.

По мнению Эйзенштадта, в основе указанных полярных позиций находилась проблема соотношения между различными интересами, представлениями о всеобщем благе, способами

11 Эйзенштадт Ш. *Парадокс демократических режимов: хрупкость и изменяемость* // Полис. 2002. № 2. С. 67–81; № 3. С. 81–95; Влоккер Р. *Multiple Democracies: Political Cultures and Democratic Variety in Post-Enlargement Europe*; ИДЕМ. *Multiple Democracies in Europe...*

12 Эйзенштадт Ш. *Указ. соч.*

формирования и реализации общей воли в контексте конституционных режимов, что было тесно связано с изменениями концептов представительства и гражданства. Антиплюралистические тоталитарные подходы утверждали примат коллективистских картин мира и коллектива как такового, поэтому для них было характерно критическое отношение к формированию ответственной гражданственности через конституционно-демократические практики. Подобные современные подходы восходят к революционной идеологии и якобинству с его установкой на переустройство общества посредством «тотального политического действия». По мнению Эйзенштадта, якобинские проекции в современной политической программе обнаруживаются в значимости социокультурного активизма и представлении о способности человека переустроить общество в соответствии с неким трансцендентным идеалом, в идеологизации политики, появлении тоталитаристских концепций и идеологий радикальных трансформаций социально-политического порядка с выраженным мессианским посылом. Якобинские установки включают в себя трансформацию общественного центра, при которой происходит слияние центра и периферии, нивелирование роли посреднических институтов, гражданского общества. Для якобинских идеологий характерна антиплюралистическая ориентация, связанная с достижением однородности в обществе, и критическое отношение к принципу представительства разнообразных интересов (в том числе относительно концепций общественного блага) через парламентские, правовые институты и практики.

ДЕМОКРАТИЯ И ТОТАЛИТАРИЗМ

Индивидуалистические и якобинские ориентации культурно-политической программы модерности и современных режимов происходят из идейных предпосылок и интеллектуального наследия великих революций¹³. Якобинская концепция полностью реализуется в левых авторитарных и тоталитарных режимах, однако именно якобинский компонент создает напряжение между двумя версиями демократии – конституционной и участнической. Демократическое воображаемое допускает интерпретации, поэтому ассоциированные с ним институциональные формы могут претерпевать искажения, радикализацию ключевых установок, которые препятствуют собственно реализации демократии. В случае эмансипационного воображаемого его радикальная, якобинская, версия мо-

13 Там же.

жет приводить к тоталитарным формам демократии. Особенность этой политической формы заключается в декларативном признании демократических установок – электоральных механизмов, представительных и судебных институтов, открытости политического процесса – и одновременном искажении их посредством такой интерпретации, которая нивелирует различия политических интересов, устраняет их открытое выражение и столкновение на политической арене¹⁴.

Изучение исторических условий тоталитаризма показывает, что его наиболее полная реализация имела место в обществах, переживших ограниченную и неравномерную модернизацию, препятствовавшую полномасштабной демократизации¹⁵. Осмысление «тоталитарной катастрофы» как следствия отказа от демократического пути, радикального разрыва с некоторыми структурными принципами современной демократии или некорректной ее интерпретации упускает из виду органическую связь тоталитаризма с проблематикой демократии, особое понимание и радикализацию ее имманентной эмансипационной ориентации.

**Изучение исторических условий тоталитаризма }
показывает, что его наиболее полная реализация }
имела место в обществах, переживших ограниченную }
и неравномерную модернизацию, препятствовавшую }
полномасштабной демократизации.)**

Анализ парадоксальной связи тоталитаризма с демократией раскрывает специфику и новизну тоталитаризма, не сводя его лишь к продолжающейся традиции домодерной автократии в новых технико-организационных условиях. Арнасон обращается к концепции Клода Лефора, которая раскрывает связь и одновременно антагонизм между тоталитаризмом и демократией¹⁶. Как утверждает Лефор, понимание тоталитаризма возможно только в его ассоциации с демократией:

«[Тоталитаризм] возникает именно из демократии, даже если он устанавливается, как в социалистической версии, в странах, где демократические трансформации только начались. Он отвергает эти трансформации, при этом используя некоторые их свойства, и доводит их до уровня фантазии»¹⁷.

14 Там же.

15 ARNASON J.P. *The Theory of Modernity and the Problematic of Democracy*. P. 42.

16 Ibid.

17 LEFORT C. *The Political Forms of Modern Society: Bureaucracy, Democracy, Totalitarianism*. Cambridge: MIT Press, 1986. P. 301–302.

Тоталитарная мутация возникает как ответ на парадокс, порожденный демократией: неопределенность, свойственная «демократическому бытию», создает основания для тоталитарных институтов, в которых существенно меняется «экономика власти»¹⁸. Согласно Лефору, при тоталитаризме «расцветает представление о гомогенном... обществе, едином народе; во всех формах отрицается социальное разделение и одновременно отвергаются все признаки различия – верований, мнений, нравов»¹⁹.

Тоталитаризм отрицает фундаментальные инновации современной демократии – плюрализм и разделение как внутри общества, так и между обществом и государством. В то же время он активизирует некоторые элементы символической рамки демократии – например, понятие «суверенный народ» (*sovereign people*), которое постулирует крайнюю форму единства общества. Символическая отсылка к суверенному народу является ключевым аспектом как демократии, так и тоталитаризма²⁰. Как отмечает Хабермас, понятие народного суверенитета представляет собой республиканскую интерпретацию понятия суверенитета ранней модерности, ассоциированное с абсолютистскими режимами, в которых государство – Левиафан – монополизировало все средства легитимного применения силы и сконцентрировало всю власть. В интерпретации Жан-Жака Руссо идея суверенитета переносилась на волю единого народа: сила Левиафана сочеталась с классической идеей самоуправления свободных и равных граждан и с понятием автономии²¹. В демократических обществах единство суверенного народа сбалансировано институционализацией конфликта, гетерогенностью, дифференциацией и автономным развитием различных общественных сфер, а также специфической власти, которая представляет собой «пустое место», или «власть никого»: правителям запрещено «присваивать себе власть, сливаться с ней»²². Как отмечает Арнасон, особенность тоталитарного проекта заключается в том, что он уничтожает эти противовесы и не дает им развиваться, заменяя противоречия символическим соединением внутренне единого общества и неограниченной власти, которое устанавливается посредством воплощения общества через макросубъект – класс или нацию, представленных авангардом и/или лидером. Понятие суверенного народа – «вторичное обозначаемое» по отношению к проекту автономии как ключевому элементу модерности,

18 LEFORT C. *Democracy and Political Theory*. Cambridge: Polity Press, 1988. P. 20.

19 ЛЕФОР К. *Указ. соч.* С. 21.

20 ARNASON J. P. *The Theory of Modernity and the Problematic of Democracy*. P. 43.

21 НАВЕРМАС Ж. *Three Normative Models of Democracy // Constellations*. 1994. Vol. 1. № 1. P. 1–10.

22 ARNASON J. P. *The Theory of Modernity and the Problematic of Democracy*. P. 43; ЛЕФОР К. *Указ. соч.* С. 26.

его особая интерпретация (указывающая на самоопределение и самоизменение общества) – отождествляется с воображаемым конструированием суверенитета, ранее возникшего как атрибут государства. Таким образом, Арнасон предлагает рассматривать «тоталитарную перверсию демократии» в ее связи с государством, что особенно актуально, когда государство с имперскими традициями играет ведущую роль в процессе модернизации²³.

ЮЛИЯ ПРОЗОРОВА
ДЕМОКРАТИЯ И СОВЕТСКАЯ
МОДЕРНОСТЬ

ТОТАЛИТАРНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Отмеченные выше представления о проблеме отношения демократии и тоталитаризма перекликаются и оппонируют идеям, высказанным в исследовании Якова Талмона «Происхождение тоталитарной демократии»²⁴. Талмон выделяет два направления демократической мысли – либеральное и тоталитарное, – интеллектуальным основанием которых является предшествующее Великой французской революции политико-философское наследие XVIII века. Принципиальное различие между ними заключается в разном отношении к политике. Либеральная демократия рассматривает политику как сферу социальной креативности, это эмпирическая проверка различных программ и стратегий социального устройства (что в данном случае близко к пониманию Касториадисом демократии и политики как реализации принципа автономии). Политическая система понимается как прагматическое применение человеческой изобретательности и спонтанности. При этом либеральный подход признает наличие разных уровней индивидуальной и коллективной деятельности, не принадлежащих области политики. Для тоталитарной демократии характерно утверждение единственной и эксклюзивной правды в политике: политический мессианизм в том смысле, что он постулирует упорядоченный и гармоничный порядок вещей, к достижению которого должно быть устремлено общество. Тоталитарная демократия расширяет границы политики, включая в нее человеческое существование вообще, в том числе частное личное пространство. Политика понимается как реализация всеохватывающей философии, концепции организации общества. В отличие от либерального понимания свободы, тоталитарный подход рассматривает только свободу достижения высшей коллективной цели. И если либеральной демократии свойственно полагать, что в отсутствии принуждения общество и его члены способны достичь некоего идеального состояния

23 ARNASON J.P. *The Theory of Modernity and the Problematic of Democracy*. P. 43.

24 TALMON J.L. *The Origins of Totalitarian Democracy*. London: Mercury Books, 1961.

методом проб и ошибок, то для тоталитарной демократии это состояние уже заранее предопределено и необходимость его достижения постулируется как главная цель.

Важнейшая проблема тоталитарной демократии заключается в парадоксе свободы, а именно в ее совместимости с единственным паттерном социального существования, пусть даже и предполагающем достижение максимальной социальной справедливости и защищенности. Цель, которую провозглашает тоталитарная демократия, всегда определяется как имманентная человеческим разуму и воле, как гарантия свободы и удовлетворения основных интересов. Поэтому с подобной целью ассоциированы экстремальные формы народного суверенитета. Таким образом, основные антиномии тоталитарной демократии проистекают из сложности сопряжения свободы с идеей единственной и абсолютной цели. Эмпирицизм – союзник свободы, а дух доктринерства – тоталитаризма, и идея человека как абстракции, независимого от исторической группы, к которой он принадлежит, становится инструментом тоталитаризма. Для тоталитарной демократии характерно представление о гомогенном обществе, в котором человек живет в рамках единственного плана существования. Универсальным и единственным стандартом суждения становится социальная полезность, выраженная в идее общего блага, а нация становится главной рамкой.

Талмон выделяет два типа тоталитаризма – левый и правый, – одним из ключевых различий которых является отношение к природе человека. Левый тоталитаризм признает человеческую природу совершенной, правый – слабой и порочной. Оба типа тоталитаризма допускают принуждение и насилие. Левое направление рационализирует применение силы как условие, способное ускорить темп человеческого прогресса для достижения социальной гармонии, что, по мнению Талмона, говорит о возможности применения термина «демократия» только в отношении этого типа тоталитаризма; хотя, как показывает исторический опыт, левые тоталитарные режимы деградируют в «бездушные властные машины», лицемерно декларирующие возвышенные цели²⁵. Тоталитарная демократия представляет форму секулярной религии, для которой характерно политическое мессианство, ориентированное на революционизацию всего общества целиком. Цель современного мессианства, которое апеллирует к человеческому разуму и воле, – достижение земной благодати посредством социальной трансформации²⁶.

Разнообразие взглядов и плюрализм интересов как фундаментальная составляющая современной демократии, однако, не

25 Ibid. P. 7.

26 Ibid. P. 8.

признавались таковыми «отцами демократии» XVIII века, которые постулировали принцип единства и единогласия. Парламентские институты, разделение и баланс властей рассматривались как препятствие в достижении социальной гармонии, а разнообразие интересов могло парализовать государство. Принципиальным вкладом Руссо была замена абсолютного монарха на народ, который рассматривался как единое целое, неделимое неделимым суверенитетом. Как показывает Талмон, принципы единогласия, прямой и неделимой демократии уже содержали потенциал диктатуры²⁷.

Тоталитарная демократия трансформировалась в модель принуждения и централизации не потому, что отвергла ценности либерального индивидуализма, а потому что абсолютизировало их, изначально имея перфекционистское отношение к ним. Человек стал абсолютным ориентиром, его права и свободы рассматривались как главная цель социального (пере)устройства. Эта социально-этическая установка превратилась в эгалитаристский идеал, а неравенство должно было быть уничтожено, как и все посреднические группы и союзы. Таким образом, между человеком и государством не остается опосредующих структур, что создает условия для неограниченной власти последнего. Якобинство предполагало всеобщее равенство, создание общества, члены которого перевоспитываются государством в соответствии с особой универсальной моделью. Ожидалось, что на определенном этапе достигается совпадение индивидуальной воли членов общества, поэтому предпочтение отдавалось плебисцитарной форме демократии²⁸. Неограниченный народный суверенитет должен был наделить непривилегированное большинство нации властью над привилегированным меньшинством посредством голосования, а также способствовать достижению равенства. Народное голосование рассматривалось как акт самоидентификации с общей волей, хотя становилось очевидным, что воля большинства не тождественна общей воле. Поэтому, чтобы создать условия для выражения общей воли и подлинной индивидуальной воли, необходимо было устранить все элементы дифференциации и различий, способные ее исказить: политические партии, буржуазию, аристократию и прочее. При этом общая воля могла быть воплощена лидерами, а состояние войны должно было продолжаться до устранения оппозиции, наступления социальной гармонии²⁹. Лежащее в основе тоталитарной демократии представление, что свобода доступна, когда исчезнет оппозиция и наступит «тотальная гармония», делает собственно

27 Ibid. P. 44–45.

28 Ibid. P. 249.

29 Ibid. P. 251.

свободу нереализуемой, поскольку в таком случае невозможно в принципе противопоставление и отличие. Как считает Талмон, тоталитарная демократия радикализирует рационалистическое представление о человеке, признавая девиацией иррациональные элементы и различия в опыте, а потому на смену ей должно прийти «единообразное рациональное поведение в интегрированном обществе»³⁰.

Согласно анализу Талмона, экстремальный индивидуализм революционно-философских представлений XVIII века привел к коллективистской форме принуждения – сложились все элементы тоталитарной демократии. В следующем столетии на смену естественному порядку как выражению абсолютной справедливости, присущей общей воле общества и выражаемой решениями суверенного народа, пришли коллективистские теории и доктрина, претендующая на абсолютную истину, наличие ответов на основные проблемы и вопросы в области морали, экономики, политики, истории, эстетики и прочее – и допускающая террор³¹. Ортодоксальная доктрина определяет когнитивно-семантическую рамку гетерогенного общества, смысловую закрытость, ограничивает рефлексию, интерпретации, не позволяет проблематизировать и подвергать критике существующий порядок, приоритеты и цели социального устройства.

СОВЕТСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Идея демократии и демократический дискурс являлись важнейшим элементом большевистской политической программы и советского проекта модерности. «Язык советской демократии был чрезвычайно влиятельным и оставался таким на протяжении почти всего существования СССР»³². В своем исследовании Дэвид Пристлэнд выявил несколько характеристик советской демократии, инспирированные марксизмом, особой русской социалистической традицией и политической культурой рабочего класса.

Во-первых, советская демократия представляла собой форму прямой демократии и существенно отличалась от западного – либерального – варианта. Прообразом альтернативной формы демократии признавалась Парижская коммуна; согласно официальной идеологии, при коммунизме все граждане вовлечены и участвуют в управлении государством, чиновники избираются, подотчетны и не существует различий между ис-

30 Ibid. P. 254.

31 Ibid. P. 252.

32 PRIESTLAND D. *Soviet Democracy, 1917–91* // *European History Quarterly*. 2002. Vol. 32. № 1. P. 126.

полнительной и законодательной властью. Советская модель демократии предполагала, что интересы людей идентичны, а потому нет необходимости в системе сдержек и противовесов для контроля бюрократии и законодательной протекции меньшинств. Данная форма демократии практиковалась советами, рабочими и солдатскими комитетами, выполнявшими исполнительные и законодательные функции. Советы как институты гражданского участия были основным институциональным выражением прямой демократии, сеть которых создавала организационную рабоче-крестьянскую основу советского государства: «Советы есть прямое выражение диктатуры пролетариата. Через Советы проходят все и всякие мероприятия по укреплению диктатуры и строительству социализма»³³. Во-вторых, советская демократия ассоциировалась с классом и концептом диктатуры пролетариата, который в марксистской трактовке являл специальный коллективистский и эгалитарный класс, представителям которого в традиции российских социалистов приписывались особые демократические товарищеские качества. В-третьих, советская демократия предполагала народный контроль над экономикой, разворачивание плановой экономики, которая напрямую отвечает потребностям и интересам бесклассового общества, отсутствие характерного для либеральной демократии разделения между сферами политики и экономики. В-четвертых, важным элементом советской демократии признавалась демократия на рабочих местах и участие представителей рабочего класса в управлении производством³⁴.

ЮЛИЯ ПРОЗОРОВА

ДЕМОКРАТИЯ И СОВЕТСКАЯ
МОДЕРНОСТЬ

Советская модель демократии предполагала, что интересы людей идентичны, а потому нет необходимости в системе сдержек и противовесов для контроля бюрократии и законодательной протекции меньшинств.

Концептуальные основания советской демократии с самого начала артикулировались в критике и противопоставлении демократии западной. Большевистское видение существенно отличалось от сложившихся представлений относительно западной либеральной «буржуазной» демократии и менялось вместе с динамикой самого советского режима. Ленин критиковал дискурс «всенародной демократии», «демократии вообще» как

33 Сталин И.В. *К вопросам ленинизма* // Он же. *Сочинения*. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1948. Т. 8. С. 33.

34 Там же. С. 112–113.

маскирующий «буржуазный характер современной демократии»³⁵. Западная «буржуазная демократия», претендующая считаться «чистой» аутентичной демократией, признавалась демократией для буржуазного меньшинства; иллюзией, скрывающей неравенство, классовый антагонизм и эксплуатацию большинства – рабочего класса, – в том числе за счет ограничения его доступа к демократическим свободам и политике. По мнению Ленина, не существует такого явления, как универсальная «демократия вообще», «внеклассовая или надклассовая демократия» – она всегда детерминирована классовой структурой, ее формы историчны и обусловлены контекстом классового господства и борьбы³⁶.

На ранних этапах борьбы за власть большевики предложили альтернативную интерпретацию демократии как элемента советского проекта.

«Самая глубокая революция в истории человечества, первый в мире переход власти от меньшинства эксплуататоров к большинству эксплуатируемых [...не может произойти] внутри старых рамок старой, буржуазной, парламентарной демократии... без самых крупных переломов, без создания новых форм демократии, новых учреждений, воплощающих новые условия ее применения и т.д.»³⁷.

Этой исторически новаторской формой демократии является пролетарская демократия, установление которой возможно только в новом обществе, где уничтожено классовое доминирование буржуазии и установлена диктатура пролетариата. Фундаментальным отличием диктатуры пролетариата от диктатуры других классов является то, что это диктатура большинства, «насильственное подавление сопротивления эксплуататоров». Ленин не считал пролетарскую демократию простым подчинением меньшинства большинству, заменой «всенародной демократии диктатурой одного класса»³⁸. В исторических условиях новой классовой конфигурации, по убеждению Ленина, установление диктатуры пролетариата означало «гигантское, всемирно-историческое расширение демократии»³⁹, она должна спровоцировать «изменение форм и учреждений демократии... которое дает невиданное еще в мире расширение фактического использования демократизма со стороны угнетенных капитализмом, со стороны трудящихся классов»⁴⁰. Таким образом,

35 Ленин В.И. *О «демократии» и диктатуре* // Он же. *Полное собрание сочинений*. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 37. С. 389.

36 *Тезисы Ленина о буржуазной демократии и пролетарской диктатуре* // *Материалы и документы по истории Коминтерна* / Сост. Н. Черницкий. М., 1931. С. 84–100.

37 Там же. С. 95.

38 Ленин В.И. *О «демократии» и диктатуре*.

39 Там же. С. 391.

40 *Тезисы Ленина о буржуазной демократии и пролетарской диктатуре*. С. 95–96.

изменения и инверсия в классовой структуре общества как важнейшая цель революции (подавить ранее господствовавший класс буржуазии, лишить его властного ресурса и материального капитала, обеспечить доминирование угнетенного пролетариата) должны привести к формированию расширенной, доступной демократии для большинства, «возможности пользоваться демократическими правами и свободами, которой никогда не было, даже приблизительно, в самых лучших и демократических буржуазных республиках»⁴¹.

Сущность советской власти, как ее определил Ленин, заключается в том, что прежде отчужденное от политической жизни, демократических прав и свобод, угнетенное в условиях буржуазной демократии и парламентаризма большинство становится «постоянной и единственной основой всей государственной власти, всего государственного аппарата, [...привлекается] к постоянному и непремennomу, притом решающему, участию в демократическом управлении государством»⁴². Советская власть победившего пролетарского большинства сможет реализовать то, что буржуазная демократия была не в состоянии: обеспечить равенство всех граждан независимо от пола, религии, расы, национальности⁴³.

В понимании Ленина демократия – это власть классового большинства (прежде угнетенного пролетариата) и равенство в смысле постепенного уничтожения классов и отношения к владению средствами производства. Но при этом демократия – «признающее подчинение меньшинства большинству государство»⁴⁴, это «форма государства», и как таковая она «представляет из себя организованное, систематическое применение насилия к людям»⁴⁵. Диктатура пролетариата означала и переход от буржуазного государства к пролетарскому, а единственно возможный метод выхода из государства классового антагонизма, который в дальнейшем должен привести к отмиранию государства вообще, виделся в социальной новации советского модернистского проекта, инспирированной марксизмом⁴⁶. Без уничтожения государственной власти, по мнению Ленина, «истинный демократизм, т.е. равенство и свобода, не осуществимы, [...] к этой цели ведет практически только советская или пролетарская демократия»⁴⁷. Пролетарская демократия большинства реализовывалась посредством удержания власти и установления диктатуры пролетариата,

41 Там же. С. 96.

42 Там же. С. 96.

43 Там же. С. 97.

44 Ленин В.И. *Государство и революция* // Он же. *Полное собрание сочинений*. Т. 33. С. 83.

45 Там же. С. 99–100.

46 Он же. *О «демократии» и диктатуре*. С. 391–392.

47 *Тезисы Ленина о буржуазной демократии и пролетарской диктатуре*. С. 98.

которая допускала ограничение и лишение прав представителей ранее господствовавшего класса («там, где есть подавление, есть насилие, нет свободы, нет демократии»⁴⁸), репрессии и избавление нового общества от элементов старого, враждебного порядка. Только с наступлением бесклассового коммунизма и абсолютного равенства возможна полная свобода и демократия без ограничений. Однако при отмирании государства исчезнет необходимость и в демократии: члены общества научатся управлять сами:

«[Люди] привыкнут к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без подчинения, без особого аппарата для принуждения, который называется государством»⁴⁹.

Таким образом, насилие и лишение целых социальных групп прав и свобод были не только революционным рессентиментом, но и элементом большевистской концепции «демократии на штыках» при переходе к коммунизму, утопическому будущему, когда исчезнут и государство, и демократия.

«Чем демократичнее “государство”, состоящее из вооруженных рабочих и являющееся “уже не государством в собственном смысле слова”, тем быстрее начинает отмирать всякое государство»⁵⁰.

Концептуальная связь диктатуры и демократии, историческим предшественником которой была идеология якобинства, государственного насилия и тотального контроля с построением демократического общества в доктрине марксизма-ленинизма легитимировала репрессивный характер советского режима и массовый террор в рамках борьбы с контрреволюцией и врагами советской власти.

Одним из важнейших элементов большевистского дискурса и концепции демократии был принцип демократического централизма. В работе «Государство и революция» Ленин использовал это понятие, ссылаясь на марксистские идеи, описывающие организацию коммун, «общинное самоуправление», где должны сосредотачиваться власть и управление в противовес государству. Ленин акцентирует, что «демократическая централистическая республика» обладает большей свободой, чем «федералистическая». Но наибольшее значение демократический централизм приобрел как принцип партийного и государственного управления. Демократизм предполагал выборность на всех уровнях, внутрипартийное обсуждение и

48 Ленин В.И. *Государство и революция*. С. 89.

49 Там же. С. 89.

50 Там же. С. 102.

коллегиальное принятие решений, а централизм – обязательный к исполнению на местах характер решений, принятых центром. Принцип внутрипартийного демократизма был важным для построения рабочей демократии.

ЮЛИЯ ПРОЗОРОВА
ДЕМОКРАТИЯ И СОВЕТСКАЯ
МОДЕРНОСТЬ

«Под рабочей внутрипартийной демократией [...] разумеется такая организационная форма при проведении коммунистической политики, которая обеспечивает всем членам партии, вплоть до наиболее отсталых, активное участие в жизни партии, в обсуждении всех этих вопросов, выдвигаемых перед ней, в решении этих вопросов, а равно и активное участие в партийном строительстве; рабочая демократия исключает всякое назначенство как систему и находит свое выражение в широкой выборности всех учреждений снизу доверху, в их подотчетности, подконтрольности и т.д.»⁵¹.

Диктатура пролетариата предполагала не просто однопартийность и власть только одной правящей партии, но и единомыслие, дисциплину и запрет на фракционизм внутри самой коммунистической партии⁵². В постленинский период ВКП(б) фактически реализовывала только элемент централизма – директивность решений центра, – тогда как внутрипартийная дискуссия и критика постепенно были подавлены и установилось «самодержавие партийного аппарата»⁵³, как это диагностировала группа децистов. Последняя наиболее последовательно продвигала принцип демократического централизма и критиковала сталинский «централизм и термидор», бюрократизацию, подавление оппозиции, отсутствие свободного коллективного обсуждения, высказывания мнений, репрессии против оппозиции; отмечала опасность деформации внутрипартийной демократии, разрушение пролетарской диктатуры и установление единовластия партаппарата⁵⁴. В сталинский период реализовывалась политика утверждения критикуемого Лениным бюрократического централизма и единоначалия, принципы демократического централизма, самостоятельности, коммуналности и коллегиальности оставались декларативными.

Сталинская концепция социалистической, или классовой, демократии, нашла отражение в обсуждении и оценках Конституции 1936 года: «демократизм проекта новой Конституции является не “обычным” и “общепризнанным” демократизмом вообще, а демократизмом социалистическим»⁵⁵. Основными те-

51 Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 29 июля – 9 августа 1927 г. Документы и материалы: В 2 кн. / Сост. И.И. Кудрявцев. М.: Политическая энциклопедия, 2019. Кн. 2. С. 344.

52 Ленин В.И. Первоначальный проект резолюции X съезда РКП(б) о единстве партии (1921) // Он же. Полное собрание сочинений. Т. 43. С. 89–92.

53 Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б)... С. 345.

54 Там же. С. 315.

55 Сталин И.В. О проекте Конституции Союза ССР: Доклад на чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 года // Он же. Сочинения. М.: Писатель, 1997. Т. 14. С. 131.

мами в процессе подготовки конституционного проекта стали централизация, демократизация, разделение властей⁵⁶. Принятию новой Конституции предшествовало широкое национальное обсуждение, призванное подчеркнуть демократизм, всенародное участие и поддержку. Однако подавляющее большинство предложений и дополнений были проигнорированы и не вошли в окончательную версию Конституции⁵⁷.

«Единственная в мире до конца демократическая Конституция»⁵⁸ отражала новую социально-экономическую реальность: «осуществлен в основном социализм», утверждение социалистической экономики, ликвидацию капитализма и эксплуататорских классов, исчезновение политических противоречий, классового антагонизма и сосуществование только «дружественных классов» – новых классов советских рабочих, крестьян, интеллигенции. По утверждению Сталина, рабочий класс в 1936 году перестал быть пролетариатом в строгом смысле слова, поскольку утвердилось его доминирующее положение и владение всеми средствами производства вместе с советским народом после уничтожения класса капиталистов.

Поскольку классовый антагонизм признавался ликвидированным, Конституция провозглашала новую избирательную систему («замены не вполне равных выборов равными, многостепенных – прямыми, открытых – закрытыми»); были возвращены избирательные права тем группам, которые ранее считались угрожающими диктатуре пролетариата. Сталинская Конституция формально вводила основные демократические права – свободы выражения, прессы, собраний, *habeas corpus*, равные выборы и прочее.

Сталинская «либерализация» и конституционная реформа отразили «расхождение между конституционной фикцией и действительностью»⁵⁹ и содержательное отличие советской интерпретации демократии от парламентской западной либеральной версии. Не отвергая либерально-демократических ценностей, советская демократия признавалась единственным подлинным воплощением демократии, хотя, по сути, представляла собой олигархический режим⁶⁰, в котором монополия на власть принадлежала партии (фактически – партаппарату) как передовой части пролетариата с переходом к сталинскому персоналистскому режиму. Новая Конституция подчеркивала доктринальность марксизма-ленинизма как концептуальной основы социалистического режима, «идеологическое учение

56 GETTY J.A. *State and Society under Stalin: Constitutions and Elections in the 1930s* // *Slavic Review*. 1991. Vol. 50. № 1. P. 20.

57 *Ibid.* P. 28.

58 Сталин И.В. *О проекте Конституции Союза ССР...* С. 137.

59 АРОН Р. *Демократия и тоталитаризм*. М.: Текст, 1993. С. 207.

60 Там же. С. 213–214.

приводило к мысли об исключительном праве на толкование истины»⁶¹, не допуская плюрализма и конкуренции смыслов, интерпретации, политических программ. Единственным коллективным благом признавалось достижение бесклассовой гармонии коммунизма, а легитимность и основания власти не могли являться предметом дискуссии.

ЮЛИЯ ПРОЗОРОВА
ДЕМОКРАТИЯ И СОВЕТСКАЯ
МОДЕРНОСТЬ

Не отвергая либерально-демократических ценностей, советская демократия признавалась единственным подлинным воплощением демократии, хотя, по сути, представляла собой олигархический режим, в котором монополия на власть принадлежала партии с переходом к сталинскому персоналистскому режиму.

Конституция не институционализировала и не гарантировала свободного выдвижения кандидатур на выборы, не разрешала политической оппозиции и плюрализма, не признавала прав меньшинств, а все права должны были совпадать с интересами рабочих. Антипарламентаризм и однопартийная система обосновывались уничтожением классовых противоречий, а также интересами рабоче-крестьянского режима СССР и коммунистической партии как его авангарда: «в СССР нет почвы для существования нескольких партий, а значит, и для свободы этих партий»⁶². Но если прежнее понимание пролетарской демократии в рамках постреволюционной диктатуры пролетариата не предполагало в ленинской трактовке «общенародной, обще-выборной, всем народом освященной власти»⁶³, то в рамках новой социалистической демократии подчеркивался широкий надклассовый социальный консенсус в отношении осуществления власти. Аргументация однопартийности отсутствием социально-классовых противоречий, однородностью общества при достижении фазы социализма, безусловно, противоречила сталинскому тезису об усилении классовой борьбы и легитимации террора против внутренних врагов социалистического строя.

Постсталинская концепция демократии уже не делала акцента на классовой основе и диктатуре пролетариата. Отличием хрущевского периода было особое внимание к демократизации экономики, процедур принятия решений и повышению статуса технических экспертов. Продолжались практики демократизации, связанные с критикой аппарата, его бюрократизи-

61 Там же. С. 203.

62 Сталин И.В. *О проекте Конституции Союза ССР...* С. 136.

63 Он же. *К вопросам ленинизма...* С. 26.

зации, оторванности от масс и прочего, отмечалось некоторое расширение дискуссионности в обществе, но не допускающее критики центрального партийного аппарата и организации власти в СССР⁶⁴.

В брежневский период акцент делался на дисциплине и научном подходе к политике, подчеркивалось значение массового демократического политического участия, но отличного от мобилизационного регистра прежнего периода. Стимулировалось участие отдельных индивидов, чьи инициативы контролировались центром (участие граждан в управлении, выборах, обсуждении проекта Конституции «развитого социализма» 1977 года, критика злоупотреблений чиновников и так далее)⁶⁵. Брежневская Конституция (1977) утверждала, что в СССР построено «развитое социалистическое общество, общество подлинной демократии, политическая система которого обеспечивает эффективное управление всеми общественными делами, все более активное участие трудящихся в государственной жизни, сочетание реальных прав и свобод граждан с их обязанностями и ответственностью перед обществом». Она также утверждала принцип «демократического централизма» (ст. 3) как основу организации советского государства:

«Выборность всех органов государственной власти снизу доверху, подотчетность их народу, обязательность решений вышестоящих органов для нижестоящих. Демократический централизм сочетает единое руководство с инициативой и творческой активностью на местах, с ответственностью каждого государственного органа и должностного лица за порученное дело» (ст. 3).

«Основным направлением развития политической системы советского общества является дальнейшее развертывание социалистической демократии: все более широкое участие граждан в управлении делами государства и общества, совершенствование государственного аппарата, повышение активности общественных организаций, усиление народного контроля, укрепление правовой основы государственной и общественной жизни, расширение гласности, постоянный учет общественного мнения» (ст. 9).

Горбачевская демократизация рассматривалась как «суть перестройки» и «новый импульс развития социалистической демократии», отличием которой стал «социалистический плюрализм». Она формулировалась в соответствии с концепцией советской демократии и марксистско-ленинской традицией, которые не предполагали принципиальных изменений в политическом устройстве страны, не оспаривали однопартийности и роли коммунистической партии в политической системе СССР:

⁶⁴ PRIESTLAND D. *Op. cit.* P. 121.

⁶⁵ *Ibid.* P. 122–123.

«Советскую власть мы менять не собираемся, от ее принципиальных основ отступить не будем. [...] Но изменения необходимы, причем такие, которые укрепляют социализм, делают его политически богаче и динамичнее. В этом плане мы вправе по-крупному, принципиально оценивать нашу программу всесторонней демократизации советского общества как программу перемен в существующей политической системе»⁶⁶.

Перестройка стала очередной «революцией сверху»: «инициатором, генератором идей, организатором, руководителем [...] гарантом перестройки в интересах укрепления социализма, в интересах трудящихся выступает КПСС»⁶⁷. Демократизация провозглашала возврат к ортодоксальным ленинским установкам социализма, партийное самоочищение, борьбу с бюрократизмом, «активизацию трудящихся», гласность; допускала большую критику власти (используется формула «критика и самокритика»)⁶⁸, соблюдение и совершенствование законов («без демократии не может быть законности»⁶⁹), усиление роли советов, демократии на предприятиях. Были осуществлены попытки совместить планирование с рыночными механизмами, а также сблизить партию с народом. «Социалистический плюрализм мнений», подотчетность депутатов избирателям, а не партийному аппарату подрывали принцип партийного правления и представление о народном единстве в поддержке социализма⁷⁰. Горбачевская политика демократизации в политической и экономической сферах была более радикальной по сравнению с практиками и реформами демократизации прежних периодов. Однако комбинирование демократических реформ с утверждением прерогатив партии было, по выражению Арнасона, «попыткой найти квадратуру круга»⁷¹.

СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ МОДЕРНОСТИ И ДЕМОКРАТИЯ

Советская модель как альтернативная модерность, иная программа модерности представляла особую интерпретацию основных культурных и политических проблематик и антиномий модерности: роли прогресса и рациональности, отношений между контролем и автономией, разумом и аффектом, секулярным и сакральным, индивидуальным и коллективным, гражданским обществом и государством, революцией и эволюцией. Для

66 ГОРБАЧЕВ М.С. *Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира*. М.: Политиздат, 1987. С. 51.

67 Там же. С. 122.

68 Там же. С. 75.

69 Там же. С. 105.

70 PRIESTLAND D. *Op. cit.* P. 125.

71 ARNASON J.P. *The Future That Failed...* P. 124.

советского проекта модерности были характерны партия-государство, командная экономика и идеологическая ортодоксия как «взаимосвязанные принципы организации»; интеграция политической и экономической власти, воплощенная в партии-государстве; видение особой миссии в концепции «социализма в отдельно взятой стране»; идеология, претендующая на обладание универсальной, исключительной и окончательной истиной; комбинация контроля и мобилизации как логика институциональной динамики; соединение сверхинтеграции и ультрадифференциации; эффекты наследия имперской трансформации и «революции сверху» как стратегии государственного строительства; «культ плана» как способ социальной мобилизации и «миф о научном мировоззрении», обосновывающий планирование через представление о дальнейшей рационализации⁷². Советский феномен стал проектом реализации представлений, связанных с наследием Просвещения, опытом Французской революции и идеей, что история телеологична, а прогресс ведет к эмансипации, раскрытию человеческой рациональности, научному господству над природой и созданию рационально организованного эгалитарного справедливого общества⁷³. Радикальная оппозиция и противостояние западному буржуазному капиталистическому обществу являлись содержательными компонентами советского проекта, определяющими его сущностные установки через критику, противопоставление и модификацию западных образцов. Советская демократия изначально формулировалась как социально справедливая альтернатива западной буржуазной парламентской демократии, уничтожающая неравенство и отчуждение.

Революционные процессы 1917 года представляли собой движение социального самоустановления и коллективной автономии. Советская версия коммунистической модерности с ее революционным воображаемым и якобинским компонентом⁷⁴ была мессианским проектом грандиозной социальной утопии – радикального переустройства и создания принципиально нового идеального общественного порядка. Советская антропологическая концепция нового человека предполагала иные основания идентичности (секулярной, классовой, социалистической, революционной, национальной) и полностью перестраивала идентичности дореволюционные. Стремление разрушить «старый мир» царской России, построить социалистическое общество новой генерации советских людей и революционизировать весь мир, дав начало новой глобальной эпохе, пред-

72 АРНАСОН Й. *Коммунизм и модерн; Он же. Советская модель как форма глобализации.*

73 MALIA M. *Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia.* New York: Simon and Schuster, 2008. P. 17.

74 CHAMBERLIN W.H. *The Jacobin Ancestry of Soviet Communism // The Russian Review.* 1958. Vol. 17. № 4. P. 251–257.

ставляли собой акт социальной креативности, коллективной автономии, масштабный социально-инженерный проект.

Программа революционных трансформаций и их ожидаемые последствия были сформулированы под интеллектуальным влиянием марксизма и кодифицированы в работах идеологов революции и советского государства. Новый порядок провозглашал народный суверенитет и секулярность, порывал с до-революционной религиозной гетерономией и развоплощал власть (в терминологии Лефора), устраняя ее репрезентацию – сакрализованную фигуру монарха. В России модернистское развоплощение власти как трансформация ее символического положения в демократическом порядке приняла радикальный яacobинский характер физического уничтожения монарха. Нелокализуемость власти – одна из характерных особенностей модерности, – в этом смысле коммунизм, как и демократия, представляют собой явления модерности. Но, в отличие от демократии, в которой сохраняется «пустое место» власти, власть в коммунистическом обществе, по мнению Лефора, вездесуща, а политизация становится тотальной⁷⁵.

ЮЛИЯ ПРОЗОРОВА

ДЕМОКРАТИЯ И СОВЕТСКАЯ
МОДЕРНОСТЬ

Советский феномен стал проектом реализации представлений, связанных с наследием Просвещения, опытом Французской революции и идеей, что история телеологична, а прогресс ведет к эмансипации, раскрытию человеческой рациональности, научному господству над природой и созданию рационально организованного эгалитарного справедливого общества.

Однако, несмотря на фундаментальные модернистские интенции, антитеза автономия–гетерономия оставалась источником имманентной противоречивости советской модели. Наступление социалистической формации и неизбежный переход к социалистическому обществу, с его особыми культурными атрибутами и институциональными формами признавалось обусловленным универсальными законами социальной эволюции. Историческим прецедентом их реализации должно было стать советское общество, в котором сама форма государства признавалась социетальным рудиментом, а главным агентом установления нового порядка выступила партия. Спекулятивная концепция новой советской онтологии, лежащие в ее основе детерминизм и телеологизм, который, в свою очередь, утверж-

75 LEFORT C. *Complications: Communism and the Dilemmas of Democracy*. New York: Columbia University Press, 2007.

дал глобальное установление социализма в качестве кульминации человеческой истории и универсальной цели социального развития, создали основания для формирования гетерономного тоталитарного общества. Ни универсальные законы общественного развития как независимый экстрасоциальный источник установления советского общества, ни его архитектура и легитимность не могли проблематизироваться и подвергаться сомнению. Марксистская доктрина («учение Маркса всеильно, потому что оно верно»⁷⁶), ее осмысление и адаптации в СССР оформились в ортодоксальное учение марксизма-ленинизма. Партия руководствовалась «революционным учением марксизма-ленинизма», а ее вожди «развили дальше учение Маркса и Энгельса, подняли его на новую ступень»⁷⁷. Марксистско-ленинская концепция превратилась в универсальную теорию познания и методологию, применение которой в различных научных и практических областях признавалось обязательным⁷⁸. Лидеры и идеологи партии выступала в роли носителей знания об устройстве справедливого общества, а ее члены – в роли прозелитов «политической религии», движимые миссией реализации марксистских догм, ожидаемого и неизбежного перехода к социализму и коммунизму.

Советская коммунистическая идеология принципиально отличалась от буржуазной, и осмысление ее специфики возможно только с учетом новых принципов – государственной собственности, модели общества, в котором исключается любая автономия и формы независимой активности, где все сферы деятельности связаны между собой и все подчинено партии-государству⁷⁹. Идеологический тезис о доминирующей роли партии как представителя пролетариата обусловил монополию на интерпретацию и «идеологическую эксплуатацию марксизма»⁸⁰ для обоснования и легитимации *ad hoc* решений. Концепция «социализма в отдельно взятой стране» позволила Сталину «учредить метод и механику доктринальной реинтерпретации», когда «текущие потребности политики определяли смысл, приписываемый доктрине»⁸¹. Герменевтика марксизма-ленинизма, определение идейных оснований и политических приоритетов программы строительства советского государства были прерогативой партийной элиты, любая гетеродоксия, отличные от

76 Ленин В.И. *Три источника и три составных части марксизма* // Он же. *Полное собрание сочинений*. Т. 23. С. 43.

77 *История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): краткий курс*. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1946. С. 3.

78 Огурцов А.П. *Подавление философии // Суровая драма народа: ученые и публицисты о природе сталинизма* / Сост. Ю.П. Сенокосов. М.: Политиздат, 1989. С. 353–374.

79 LEFORT C. *Complications...* P. 86.

80 Ibid. P. 84.

81 DANIELS R.V. *The End of the Communist Revolution*. New York: Routledge, 1993. P. 87.

официальной доктрины интерпретации преследовались. Ссылки и цитаты идеологов марксизма-ленинизма стали обязательным формальным атрибутом аргументации в любом дискурсе (так называемое «цитатничество»). Суждения, подкрепленные ссылками на канонические тексты, но отличающиеся от утвержденного партией толкования, влекли обвинение в «мелкобуржуазном отклонении» и «контрреволюционной деятельности».

Адаптация теоретиками революции классического марксизма к российским условиям, попытка совместить идею свободы, демократии, народного суверенитета с доминирующей ролью партии, запрет на инакомыслие и тоталитарный контроль создавали внутренние противоречия советской модели. «Официальное коммунистическое мышление совмещало противоречивые суждения детерминизма и волюнтаризма, неизбежности и борьбы»⁸².

Абсолютный контроль над смысловым измерением идеологических оснований советского проекта, переплетение знания и власти, науки и идеологии редуцировали провозглашенные революцией эмансипационный пафос, потенциал общественного самоустановления и автономии, реализовав тоталитарно-демократический режим и восстановив гетерономную модель на новых основаниях. Догматизм не совместим с рациональностью, свободной интеллектуальной рефлексией и критическим мышлением автономного режима. Таким образом, изначальные установки советской модерности ограничивали ее смысловой горизонт официальной марксистско-ленинской доктриной, делая невозможным возникновение альтернативных интерпретаций, программ социального развития, что является конститутивным элементом демократического проекта. Установление воображаемого социализма как идеального социального устройства провозглашалось главной интенцией советского проекта – сначала на глобальном уровне через мировую революцию, потом на локальном – в соответствии со сталинской концепцией «социализма в отдельно взятой стране». Понятие «социализм», подразумевающее прогрессивное и гуманистическое превосходство над капиталистической модерностью, не обозначало какой-то реально существующей действительности или социальной формации, но скорее обозначало некую идеальную альтернативу всем существующим формациям⁸³. Единственной представляемой исторической реальностью, известной большевикам и соотносящейся с социализмом, была Парижская коммуна, однако этот опыт был несоизмерим с грандиозными советскими планами и глобальными футурологическими спекуляциями.

82 Ibid. P. 81.

83 MALIA M. *Op. cit.* P. 24.

Советский режим стал проектом радикальной революционной трансформации и построения нового советского общества, основанного на абсолютной власти и тотальном контроле со стороны партии-государства. О якобинском характере РСДРП рефлексировал Ленин, считая «якобинцами» революционных социал-демократов, связанных с организацией пролетариата, осознавшего свою классовую принадлежность и интересы⁸⁴. По вопросу дефиниции «социал-демократа» ему оппонировал Лев Троцкий, считая якобинцев крайним революционным крылом буржуазного либерализма, который он противопоставлял социализму и предупреждал об опасности для партии якобинского доктринерства, подозрительности, нетерпимости (которые Троцкий приписывал идеям Ленина), о перерождении партийной политики в якобинский террор. Примечательно, что те качества, которые Троцкий критиковал в якобинстве – утопизм, идеализм, универсализм «принципов всеобщей морали»; истина, ради которой приемлемы любые жертвы («человеческие гекатомбы»); «абсолютная вера в метафизическую идею», «гильотинирование малейших отклонений» вместо «идейно-политического изживания разногласий» и прочее⁸⁵, – реализовались в постреволюционной большевистской практике строительства советского социалистического общества. Большевизм оказался радикальнее якобинства, которое сохраняло «пустое место» власти, связь с демократическим принципом, идеей прав человека, а диктатура не ассоциировалась с лидером. После прихода к власти большевики уничтожили политический плюрализм, утвердив власть единственной партии, и наделили себя правом утверждать принципы экономической жизни, семьи, морали, литературы, образования, искусства, генетики и так далее⁸⁶.

Партия была главным институтом, обладающим монополией на власть, интерпретацию, единственным центром контроля дискурса, смыслов и управления основными сферами общества, исключаящим его независимую динамику. Не существовало легитимных путей противостоять власти партии – даже представители политической партийной элиты, идеологи советского режима и создатели его *modus operandi* не обладали иммунитетом, если они артикулировали альтернативные смыслы, противостоящие официальной партийной «правде». Значение партии настолько превозносилось в историографии становления советского режима, что советская история превратилась в историю партии и ее функционеров, подчеркивая роль личности

84 Ленин В.И. *Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии)* // Он же. *Полное собрание сочинений*. Т. 8. С. 370.

85 Троцкий Л. *Наши политические задачи. (Тактические и организационные вопросы)*. Женева: Издательство Российской социал-демократической рабочей партии, 1904. С. 90–100.

86 LEFORT C. *Complications...* P. 60–65.

в истории вразрез марксистскому тезису о детерминизме⁸⁷. По мнению Раймона Арона, именно революционная партия, включающая легитимное политическое оппонирование и конкуренцию, ставящая своей целью уничтожение прежнего общественного порядка, создание принципиально нового общества и нового человека, является первопричиной тоталитаризма⁸⁸.

ЮЛИЯ ПРОЗОРОВА
ДЕМОКРАТИЯ И СОВЕТСКАЯ
МОДЕРНОСТЬ

Качества, которые Троцкий критиковал в якобинстве, реализовались в постреволюционной большевистской практике строительства советского социалистического общества. Большевизм оказался радикальнее якобинства, которое сохраняло «пустое место» власти, связь с демократическим принципом, идеей прав человека, а диктатура не ассоциировалась с лидером.

Эволюция большевистской партии и коммунистическая политика представляют собой развитие определенных Лениным еще в начале 1900-х годов принципов партийного строительства (именно их критиковал в дальнейшем Троцкий): замена демократизма бюрократизированным и иерархизированным централизмом, сектантский характер, доктринерство, «заместительство» рабочего класса партией, «якобинский» террор, стремление к единовластию и прочее. В широко цитируемом высказывании Троцкого утверждалось, что указанные партийные установки приведут к тому, что демократический централизм переродится в автократию: «партийная организация “замещает” собой Партию, Ц.К. замещает партийную организацию, и, наконец, “диктатор” замещает собою Ц.К.»⁸⁹. Как пишет Арон, «явления, названные “культом личности”, стали возможны благодаря не только странностям одного лидера, но и методам организации, действиям целой партии»⁹⁰. Развоплощение власти и ее зависимость от электоральных механизмов политической конкуренции, независимость гражданского общества от государства как сущностные характеристики либеральной демократии были чужды идеологически и институционально советской модерности, где партия как коллективный орган и ее лидер были воплощением общества и высшей власти. Советская идеология строилась на последовательности идентификаций и воплощениях – народа с пролетариатом,

87 Арон Р. *Указ. соч.* С. 219.

88 Там же. С. 232.

89 Троцкий Л. *Указ. соч.* С. 54.

90 Арон Р. *Указ. соч.* С. 238.

пролетариата с партией, партии с лидерством, лидерства с эго-кратом как высшей фигурой власти⁹¹.

Дореволюционная теоретическая дискуссия в марксистской среде вокруг понятия «диктатура пролетариата» и способа переход к ней – мирным демократическим путем в рамках «буржуазной демократии» или революционным методом – заостряли проблему перерождения и фактического осуществления этой диктатуры в форме диктатуры партии *над* пролетариатом. Реформистская трактовка европейских социал-демократов и оппонирующая ей революционная ленинская интерпретация представляли две концептуально-идеологические альтернативы построения социализма. Революционное понимание изначально отрицало использование демократических методов и парламентских форм осуществления диктатуры пролетариата, признавая под ней «не ограниченное законом насилие», осуществляемое партией как представителем передового отряда пролетариата. Апологеты ленинизма считали пролетарскую диктатуру ключевым вопросом учения Ленина, которое признавали универсальной теорией и практикой пролетарской революции, «интернациональным учением пролетариев всех стран, пригодным и обязательным для всех без исключения стран, в том числе и для капиталистически развитых»⁹².

Советская демократия провозглашала участие пролетарских рабочих с другими социально-профессиональными группами (буржуазные управленцы, технические эксперты, интеллигенция – в зависимости от политических обстоятельств и экономических целей) в управлении государством, принятии решений и управлении рабочими местами. Демократизация ассоциировалась с призывом интенсифицировать дискуссию и «критику снизу», подотчетностью официальных лиц и кампаниями против консерватизма, бюрократизма, превышением власти на местах и прочим. С развитием внутрипартийной демократии были связаны публичные дискуссии в партийной и научной среде в рамках движения «критики и самокритики», которые имели форму ритуализированных постановочных дебатов с определенным сценарием и дискурсивными конвенциями⁹³. Подобная стратегия демократизации, однако, никогда не устанавливала реального плюрализма и не предоставляла возможности для широкого участия, дискуссий и обратной связи вне партийно-установленных рамок и горизонта смыслов официальной социалистической идеологии. Советская де-

91 LEFORT C. *The Political Forms of Modern Society...* P. 299.

92 Сталин И. В. *К вопросам ленинизма...* С. 18.

93 КОЗЕВНИКОВ А. *Rituals of Stalinist Culture at Work: Science and the Games of Intraparty Democracy circa 1948* // *The Russian Review*. 1998. Vol. 57. № 1. P. 25–52; GETTY J.A. *Samokritika Rituals in the Stalinist Central Committee, 1933–38* // *The Russian Review*. 1999. Vol. 58. № 1. P. 49–70.

мократизация была предпринята для мобилизации масс, чтобы усилить легитимность режима среди рабочего класса и широких слоев населения, а также укрепить центральную власть подрывом позиций неудобных партийных функционеров и потенциально оппозиционных групп⁹⁴.

Подобное понимание демократии было комплементарно советскому социалистическому идеалу бесклассового гомогенного общества как холистического, интегрированного единства, члены которого движимы общей советской коллективистской этикой и чьи экзистенциальные ожидания неотделимы от провозглашаемых партией-государством ориентиров. Общая социальная конструкция опиралась на противоречивое допущение народного самоуправления советскими гражданами, которые, однако, подчинены партии как представителю пролетариата, аккумулирующей все средства экономического производства и власть. Партия-государство и советское общество представлялись единым целым, которое функционирует согласно принципу демократического централизма, переродившегося в автократию и власть партаппарата.

В контексте ревизии представлений о демократии и демократического воображаемого в советском проекте необходимо отметить, что политические идеи децистов о демократическом централизме могут считаться предшественниками современной концепции делиберативной⁹⁵, коммуникативной или дискурсивной демократии⁹⁶. Децисты настаивали на значимости непрерывной, открытой и доступной внутрипартийной дискуссии и компетентной рациональной аргументации – как основах коллегиальной выработки партийных решений и политики: «методами работы являются прежде всего методы широкого обсуждения всех вопросов, дискуссии по ним с полной свободой внутрипартийной критики, методы коллективной выработки общепартийных решений»⁹⁷. Александр Кустарев в этой связи пишет:

«Децисты, концептуализируя партию ВКП(б) как “дискуссионный клуб”, были озабочены [...] убеждением, что правильное решение нуждается в понимании проблемы, а его можно достигнуть только в ходе совместного размышления, как это происходит в сфере научного знания. Это [...] согласуется с представлениями марксистов о своем учении как о науке и о построении социализма (коммунизма) как об интеллектуальной задаче»⁹⁸.

94 PRIESTLAND D. *Op. cit.* P. 117–120.

95 HABERMAS J. *Op. cit.*

96 КУСТАРЕВ А. *Deliberato ergo sumus. Демократический централизм и делиберативная демократия // Неприкосновенный запас*. 2017. № 6(116). С. 3–12; Он же. *Делиберация и демократия // Неприкосновенный запас*. 2021. № 5(139). С. 52–61.

97 *Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б)...* С. 344.

98 КУСТАРЕВ А. *Deliberato ergo sumus...* С. 9.

Децистско-делиберативная концепция, как и вообще советская народная демократия, соотносимая с ее тоталитарной версией, представляли собой вариант согласительной демократии, противопоставляемой конкурентной модели западной либеральной демократии⁹⁹. Архитектоника советского общества исключала модель соревновательности *par excellence*, поскольку предполагала тотальную унификацию и гомогенизацию, устранение классовых социоструктурных различий и культурно-интеллектуального разнообразия. Советская тоталитарная демократия предполагала особое понимание политики как реализацию утопической мессианской программы нового социалистического общества и свободы, которая представлялась результатом уравнивания и стирания различий, устранения структур, ассоциаций, которые могли воплощать множественность интересов и социальных стратегий как в обществе, так и внутри правящей партии, организованной по принципу внутреннего единства и антифракционности. Советский проект отрицал внутреннее разделение между разными сферами общества, внутренние конфликты, противоречия, социальное напряжение и разные интересы. Это создало общество, лишенное внутреннего деления, исключаящее множественность и сложность форм человеческой деятельности и гражданского участия вне разрешенных партией рамок. Антропологическое измерение советского проекта отрицало индивидуализм и автономию, идентичности вне конвенционального репертуара «советского человека».

Как полагает Лефор, тоталитарные режимы основаны на представлении о едином народе, которое отрицает внутреннюю дифференциацию как конститутивный принцип общества. В отличие от демократического порядка, в подобных обществах нет разделения между сферами права, политики, экономики, культуры, они лишены автономной логики функционирования:

«[В тоталитарных деспотиях] знание конечных целей общества, норм, которые управляют социальной практикой, становится собственностью власти, между тем как последняя оказывается сама органом дискурса, который выражает реальность как таковую. Власть, воплощенная в группе, а на самом высоком уровне – в человеке, объединяется с равно воплощенным знанием, так что отныне никто не может ее сломить»¹⁰⁰.

Единственное разделение, которое официально признано, относится к Другому или к внешнему – врагам из прежнего порядка (кулаки, буржуазия), эмиссарам иностранных правительств или империализма¹⁰¹.

99 Там же.

100 ЛЕФОР К. Указ. соч. С. 20–21.

101 LEFORT C. *The Political Forms of Modern Society...* P. 297–298.

«[Советский проект ориентирован на] единение политической власти с государственной властью, интеграцию всех сфер активности и знания через нормы, сформулированные партией и, следовательно, размывание границ между политическим и неполитическим, наконец, навязывание универсальной модели организации вместе с моделью инкорпорирования индивидов во множественные коллективы, связанные вместе с остальным обществом»¹⁰².

Таким образом, противопоставленность коммунистического воображаемого с его гомогенностью, единообразием, порядком и дисциплиной демократическому воображаемому плюральности и дифференциации, смысловая закрытость и телеологизм коммунистической идеологии делали советский коммунистический проект антиисторическим, лишенным открытости, изменчивости и трансформационного потенциала¹⁰³.

Позднесоветская программа демократизации допускала частичную дегомогенизацию общества, некоторый плюрализм, автономию социальных организаций, гласность, публичную дискуссию, расширение индивидуальных свобод и прочее. Однако демократизация осуществлялась в рамках единой идеологии и не допускала принципиального различия интересов среди населения. Перестроечные изменения предполагали «ограниченную парадигму демократии»¹⁰⁴, поскольку не происходило отказа от ортодоксальных установок о правильности социалистического строительства, ленинского понимания демократии, лидирующей роли партии и прочего.

Кампании демократизации всегда инициировались властью и решали разные задачи: легитимации режима, мобилизации, борьбы с представителями буржуазных классов, стимулирования контролируемой критики, массового участия в обсуждении конституций, разрешенных трудовых, профессиональных, общественных ассоциаций, популяризации советского режима на международной арене. Отличительной характеристикой советской демократии являлось совмещение разных, не угрожающих политической системе, форм прямой демократии, участия, низовой активности и инициативы граждан с идеологическими установками ортодоксального учения марксизма-ленинизма о демократическом централизме, единой идеологии, однопартийной системе и ведущей роли коммунистической партии. Трагические противоречия советского проекта между изначально провозглашенной эмансипацией, справедливостью, рационализацией, автономией и институционализированным тоталитарным порядком, идеологизацией знания, бюрократизацией, закрытием политического процесса, отрицанием плю-

102 LEFORT C. *Complications...* P. 125.

103 LEFORT C. *The Political Forms of Modern Society...*

104 ARNASON J.P. *The Future That Failed...* P. 124.

рализма, террором и подавлением индивидуального представляют сложное наследие для постсоветской демократизации. Исследование отношений демократии, коммунизма и тоталитаризма не утрачивает своей важности не только для осмысления природы коммунистического феномена, но и для понимания декларативной демократизации, нелиберальных тенденций и реставрации авторитарного порядка в посткоммунистических обществах.